

УДК 008:001.8+316.35

Урмина И. А.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Существующие организационные теории не дают ясного представления о содержании структурных связей между членами организации в различных социокультурных ситуациях ее деятельности, например, при изменениях трансформационного характера, о динамике их поведения в зависимости от ситуативного характера общих и частных проблем. Необходимо использовать междисциплинарный подход, объединяющий социологический и культурно-антропологический способы исследования форм, структур и содержания совместного существования людей в рамках организации.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, организация, социология культуры, культура организации.

При изучении динамики совместной деятельности людей в рамках современной организации появилась очевидная необходимость объединять представления о социальном и культурном ее содержании. Организационные теории не предлагают теоретического обоснования динамики поведения членов организации, особенно в проблемных ситуациях, когда ранее принятые нормы и правила, технологии социальных взаимодействий и коммуникаций теряют свою надежность. Соответственно, формируются зоны устойчивой напряженности в отношениях между членами организации, что сказывается на снижении эффективности процесса совместного целедостижения и деятельности организации в целом. Под действием внутренних или внешних факторов динамические связи в системе социальных взаимодействий и коммуникаций, т.е. социокультурных отношений, оказываются нарушенными, а механизмы их восстановления работают со значительными затруднениями.

В большинстве теорий организации и управления организацией во внимание принимается лишь рациональное поведение людей, участвующих в совместном организационном целедостижении, связанное со структурно-функциональными императивами, и не учитывает их внерациональное поведение, противоречащее нормативным установкам и декларируемым целям. Даже теории мотивации носят обезличенный функциональный характер и не учитывают ситуативных социальных и культурных факторов поведения, а не только деятельности человека в рамках организации. Но привычная организационная системная формализация как главное средство рационализации отношений между членами организации уже не может считаться достоверно отражающей разнонаправленные сетевые связи, их динамику и последствия в различных ситуациях не только проблемного, но и рутинного характера. Существующие организационные теории не дают ясного представления о содержании структурных связей между членами организации в различных социокультурных ситуациях деятельности организации, в том числе в процессе организационных изменений трансформационного характера, и о динамике их поведения в зависимости от ситуативного характера общих и частных проблем.

Следует, однако, отметить, что современные теории управления организацией включают значимость социальных и культурных факторов для повышения ее эффективности. Глобализация и активное развитие современных организаций разного вида породили новые формы и методы управления, основанные на объединении социальных и культурных концепций (*appreciative management, empowerment, transformational leadership, symbolic management, intrapreneurship* и т.д.). Однако пока не существует эффективного исследовательского инструментария, позволяющего прогнозировать влияние социокультурных факторов на эффективность процесса управления, поскольку недостаточно разработан язык его социокультурной интерпретации с точки зрения организации социального взаимодействия и коммуникаций в различных ситуациях функционирования: от рутинной до проблемной. Но возможности целенаправленного регулирования социокультурных отношений в условиях проблемных ситуаций исследователи не изучают, как и вариативность признаков и поведенческих характеристик членов организации в зависимости от динамики их статусного и ролевого положения. В проблемных ситуациях с точки зрения теории социальных систем организационные трансформации должны сопровождаться деконструкцией структурных порядков, функциональным беспорядком, общей аноимией. Но если это рассматривать с культурологической позиции, то отношения между членами организации не разрушаются, а приобретают поисковый характер, способствуя высвобождению потенциала или ресурсов, необходимых для решения новых проблем и задач.

Представляется целесообразным совместить социологический и культурно-антропологический способы исследования, что позволяет наиболее полно раскрыть сущность социокультурных отношений в современной организации. Это позволяет социология культуры или культурная социология, в рамках которой можно раскрыть особенности организации как объекта, в котором наблюдаемы как формальные связи и структуры, так и динамика социокультурных отношений, т.е. изменчивость совместной активности людей в их рамках, рассматриваемая в различных

измерениях, например, в функционально-технологическом и коммуникативном. Междисциплинарный характер направления требует более подробного анализа его развития на основе сближения социологического, культурологического и антропологического подходов к формам, структурам и содержанию совместного существования людей. Рассмотрим далее предпосылки и процесс становления социологии культуры, что позволит выделить те определения, которые являются исходными для изучения социокультурных отношений в современной организации.

Развитие представлений социологов о культуре

Следует подчеркнуть, что с исторической точки зрения понятие социологии культуры или культурной социологии впервые появилось в Веймарской Германии, когда А. Вебер использовал термин «Kultursoziologie» в работах, связанных с изучением социальных изменений в Западном обществе [1]. Позже к ней вернулись в англоязычном мире в контексте «культурного поворота» 60-х гг. XX века, развития структуралистского и постмодернистского подходов к социальным наукам. В этом аспекте социология культуры включает аналитическую теорию культуры и теорию критики, а социокультурный подход герменевтически фокусируется на словах, артефактах и символах. Понятие «Культура» с этого времени стало значимым для многих направлений социологии, включая социальную стратификацию и анализ социальных сетей.

Как отдельное дисциплинарное научное направление, социология культуры сформировалась на стыке социологии, родоначальниками которой считаются К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер, отец А.Вебера [2], и антропологии, опирающейся на этнографические исследования различных культур во всем мире. Это ощущается и в методах (большая часть культурных социологических исследований носит качественный характер), и в теоретических подходах (используются критические подходы к социологии), и в основных направлениях исследований. Материалистические идеи К.Маркса, сформировавшиеся под воздействием представлений Л.Фейербаха и ставшие основой для теории конфликта, также опираются на понятия культуры, которую формирует правящий класс с целью обеспечения своих интересов, ценности и идеологии которого определяются экономическим статусом общества.

Э. Дюркгейм выделял следующие три типа связей культуры с обществом:

- логические: власть над индивидами принадлежит определенным культурным категориям и верованиям, например, в бога;
- функциональные: ритуалы и мифы становятся основой для социального порядка за счет того, что люди безоговорочно веруют в ими же созданные убеждения, а это, в свою очередь, лишь укрепляет общественный порядок.
- исторические: культура берет свое начало в обществе, из этих практик сформировались системы классификации.

М. Вебер впервые развил идею группового статуса как признака субкультуры, базируясь на таких понятиях как раса, этническая принадлежность, религия, регион, род занятий, пол, сексуальная ориентация и т.д. Образ жизни этих групп определяется различными ценностями и нормами как по отношению друг к другу, так и к обществу в целом. М.Вебер также считал, что люди используют символы для выражения внутреннего мира и отражения невещественного, идеального содержания реальных событий. Широко известная его метафора роли культуры как фонарика на железной дороге жизни отражает связь социальных действий с их культурным значением и содержанием.

Эти три столпа социологии представили общество, наделяющее индивида определенными характеристиками (раса, регион рождения, религиозная принадлежность и т.д.), которые сегодня постепенно становятся малозначимыми; общество специализированного знания, в котором человеческие свободы конфликтуют с обезличенной бюрократией, а статусные роли наполняются индивидуальным культурным содержанием.

Но такая картина мира не дает представлений о возможных трансформациях общества, как индустриального, так и современного постиндустриального, культурное содержание социальных форм которого отражают два противоположных современных научных направления: постмодернизм, ориентированный на изменения в культуре, и культурный фундаментализм, ориентированный на сохранение и поддержание традиций и сопротивление изменениям. Очевидно, что культура постмодерна отрицает наличие фундаментальных нарративов, привычных и удобных для интерпретации жизненного опыта людей. Сегодня, кстати, в России такой дискурс продолжает связываться с идеей социального прогресса, обусловленного техническим, когда в обществе создаются более совершенные формы совместного существования людей посредством сложных и развитых технологий. С другой стороны, сторонники культурного фундаментализма разных его форм придерживаются традиционных социокультурных паттернов поведения и все социальные изменения рассматривают как отклонения от предустановленных порядков.

К середине XX века социология реально стала научной дисциплиной, и в этом контексте Т.Парсонс сформулировал в рамках теории социального действия три основополагающие системы: культуру, общество, личность [3]. Культура в этом случае определяет социальные нормы поддержания общества как системы за счет интеграции отдельных индивидов. Значимой для того периода стала работа американского социолога Д.Рисмана и др. «The Lonely Crowd», в которой авторы описывали различные типы поведения американцев в профессиональной сфере, приверженцев традиций, перфекционистов, сосредоточенных только на работе, или, наоборот, тех, кто стремится к общественному признанию [4]. Позже этой же теме была посвящена работа Д.Белла «The Cultural Contradictions of Capitalism», в которой автор высказывал точку зрения о том, что постиндустриальное общество породило различие между культурными идентичностями общества труда и общества развлечений [5]. Для социологов постепенно становились

очевидными связь и взаимное влияние культурных и социальных переменных и необходимость изучения общества именно в таком контексте. На это оказали влияние и междисциплинарная направленность социологических исследований в сфере политики (например, в Великобритании 1960–70-х гг.), и более поздние исследования культуры индустриального рабочего класса, связанные с современными социальными изменениями, Т.Миллера [6] и Г.Максвелла. Наконец, на это оказали влияние и результаты культурных исследований известных французских ученых М.Фуко, Р.Барта, Ж.Дерриды [7] и др.

Как утверждал Ч.Миллс, культура является центральным понятием для любого исследования жизни общества [8]. В начале XX века некоторые социологи представляли культуру как нечто материализованное, передающееся от поколения к поколению, как, например, американские социологи-урбанисты и основатели Чикагской школы социологии Р.Е.Парк и Э.Бёрджесс [9], или результат ассоциаций, возникающих в процессах коммуникаций – как предшественник символического интеракционизма Ч.Х.Кули [10], либо как социетальное приспособление к окружению. Другие, как, например, автор феноменологического подхода в социологии А.Шюц, один из создателей теории символического интеракционизма Д.Г.Мид, немецкий и венгерский социолог К.Маннхейм, который разработал социологическую теорию культуры, изучали культурные значения и их влияние на творческую деятельность людей в процессе социальных взаимодействий [11].

Такие антропологи XX в. как Б.Малиновский, А.Р.Рэдклифф-Браун и М.Мосс сформировали современную концепцию культуры [12], определение которой дал Э.Б.Тайлор еще в середине XIX в. Б.Малиновский собирал мифологические данные о прародительнице клана и его продолжении на Тробрианских островах. Его наблюдения, по сути, стали продолжением работ Э.Дюркгейма. А.Р.Рэдклифф-Браун заявил о себе в исследованиях культуры Андаманских островов, которые показали, что формирование групп среди островитян основано на родстве и музыке, а также ритуалах, тесно связанных с ее использованием. Как утверждал А.Р.Рэдклифф-Браун, «ритуал укрепляет общество», а в антропологическом смысле культура представляет собой общество, основанное на ценностях и идеях без влияния материального мира. Наблюдения А.Р.Рэдклифф-Брауна также продолжили исследования Э. Дюркгейма. С другой стороны, по Т.Парсонсу, культурная система представляет собой когнитивную и символическую матрицу для центральной системы ценностей. М. Мосс, осуществляя сравнительные исследования в областях религии, магии, права и морали западных и не западных сообществ, разработал концепцию всеобщего социального факта, считая, что реципрокность или взаимообмен является универсальной логикой культурного взаимодействия.

Известный американский социолог Д.Александр ввел понятие «культуральной структуры», т.е. внутренних, латентных, как правило, неосознаваемых механизмов деятельности людей, формирующих коллективные эмоции и идеи, которые не просто оказывают существенное влияние на мышление и поведение людей, но становятся сегодня определяющими по силе воздействия по

сравнению с реально существующими структурами разного типа (организационными, в том числе) [13].

К.Леви-Стросс, опираясь одновременно на социологический и антропологический позитивизм Э.Дюркгейма, М.Мосса, Б.Малиновского и А.Р.Рэдклифф-Брауна, экономический и социологический марксизм, фрейдизм и гештальт-психологию, а также структурную лингвистику Ф.Соссюра и Р.О.Якобсона, провел масштабные исследования о мифах, родстве, религии, ритуалах, символике, магии, идеологии, познании, искусстве и эстетике, применяя методологию структурализма [14]. Он изучал универсальные принципы человеческого мышления как формы объяснения социального поведения и социальных структур.

Как указывает Э.Гидденс, обобщая развитие социологии, эта дисциплина в конце XX века стала заниматься «культурным измерением современности» [15]. Кроме того, в процессе проникновения социологического мышления и социологического видения в контекст других социальных дисциплин прежние междисциплинарные границы стали менее четкими. В этом плане можно особо выделить социальную антропологию, в которой ассимилировались теоретические традиции и исследовательские методы и социологии, и антропологии и которая, по сути, изучает мировое многообразие культур и обществ, отражающееся в групповом поведении людей, эти культуры и общества представляющих. Эта научная дисциплина корнями уходит в этнологию и этнографические исследования XIX века, но сформировалась социальная (в Европе) или культурная (в США) антропология уже после Второй мировой войны. Представляется целесообразным сегодня называть эту дисциплину социокультурной антропологией, поскольку нет необходимости ограничивать исследования только областями этнологии или этнографии, либо, наоборот, культурным аспектом социального конфликта, социальных перемен, урбанистической антропологии, социальных сетей и т. д.

О сближении социологии и антропологии писал также американский культуролог и этнограф К.Гиртц, который сотрудничал с социологами Э.Шилзом и Т.Парсонсом, изучая системные культурные аспекты жизни общества в рамках предложенной им символической или интерпретативной антропологии [16]. Он подчеркивал значимость систем культуры для формирования моделей человеческого социального поведения, что стало очень важным для выделения социологии культуры как отдельной научной дисциплины.

На усложняющуюся социокультурную динамику эпохи постмодерна, для которой характерно качественное увеличение неопределенности многих социальных реалий, что связано со случайностью, многовариантностью и альтернативностью развития, а также с возникновением виртуальных реальностей, в которых господствуют симулякры и симуляции, указывает и известный российский социолог С.А.Кравченко [17]. Он указывает также появление своего рода брендов социологических теорий, обладающих специфическими кодами сигнификации,

формирующими современный социологический дискурс (автор относит к ним теории З. Баумана, Ж.Бодрийяра, Э.Гидденса, Д.Ритцера, П.Штомпки и др.).

Английский теоретик культуры и литературы Р. Уильямс, который оказал огромное влияние на становление современной социологии культуры и культурологических исследований (особенно неомарксистского направления), предложил концепцию культурного материализма. Она стала базовой для обоснования материальности и «обыденности» культуры, которую Р. Уильямс предложил считать «way of life», а не просто исторической совокупностью человеческих достижений [18]. Отношение людей к изменяющимся условиям повседневной жизни отражает и динамику культурных перемен, которые надо изучать в целостном контексте «way of life», интерпретируя культуру как знаковую систему и суммарные результаты человеческих практик по формированию индивидуальных смысловых конфигураций.

Здесь надо более подробно рассмотреть особенности научного направления *cultural studies*, которое представлял Р.Уильямс и в рамках которого изучаются культурные объекты, система их отношений друг с другом и с окружающим миром, а также технологии производства, продвижения и потребления культурных артефактов с помощью социальных структур в рамках данной культуры. Следует отметить, что направление в значительной степени отличается от культурной антропологии и этнических исследований как объективно, так и методологически. Исследования имеют выраженный прикладной характер и относятся к сфере обыденной реальности. Название направления было предложено теоретиком культуры Р.Ноггартом в 1964 г., когда он основал Бирмингемский Центр современных культурных исследований, возглавляемый сегодня как Департамент культурных исследований С.Холлом. Центр и сегодня тяготеет к марксистским методам анализа, изучая взаимосвязь культурных форм (надстройки), и того, что в политической экономике определяется как базис, и выдвигая тезис о культурной гегемонии с учетом работ А.Грамши.

Направленность исследований в рамках *cultural studies* в Великобритании отличается от того, чем занимаются в США, Канаде, Австралии, Южной Африке, Италии, Франции, Германии. Британские ученые Р.Ноггарт, Э.Томпсон, Реймонд Уильямс и С.Холл оказали значимое влияние на характер современных работ, например, П.Уиллиса, который изучает этнические аспекты культуры молодого рабочего класса, П.Гилроя, книга которого стала в конце 1990-х гг. знаковой для исследований африканских диаспор [19]. В США направленность *cultural studies* связана с прагматическими, либерально-плюралистическими традициями исследований масс-культуры, в том числе, современными коммуникационными технологиями, практиками «фанкультур» [20].

В Канаде в рамках *cultural studies* внимание уделяется взаимодействию современных технологий, общества и культуры с опорой на работы М.Маклюэна и др. В Австралии занимаются культурной политикой. В Южной Африке изучают сферу прав человека и проблемы третьего мира. В Италии, помимо проблем левого движения, анализируются теории постмодерна. Во Франции

представители данного направления следуют традициям семиотики (например, Р.Барта, который, в том числе, изучал масс-медиа) и феминизма (например, Ю.Кристева). Отдельно следует упомянуть аналитику культуры Г.Поллок, которая осуществляет феминистические исследования в сфере искусства. В Германии подобные разработки под влиянием Франкфуртской школы (в том числе и структуралистского марксизма) связаны с массовой культурой, современным искусством и музыкой.

В целом немарксистский подход к направлению *cultural studies* проиллюстрирован в книге «*Doing Cultural Studies*», авторы выделили основные причины особого внимания к культуре: увеличение значимости культурных практик во всех сферах социальной жизни (новые формы коммуникаций, развитие масс-медиа, глобальные информационные сети и т.д.) и ее эпистемологическую значимость как определяющую содержание всех социальных практик [21]. Интересными представляются культурно-интерпретативный подход к смысловому содержанию процесса потребления, который связан с культурной идентичностью; анализ политической власти как формы гегемонии и предмета повторения, конвергенции и реартикуляции (предмет продолжающейся дискуссии), и отстаивание направления литературных исследований Г. Блумом, которые повсеместно стали встраиваться в *cultural studies*.

Следует подчеркнуть, что данное направление до сих пор не имеет единого теоретического обоснования, не выделяет предмет изучения (в отличие, например, от философии, социологии, психологии и т.д.), охватывает разнообразные области исследований, использует множество различных научных подходов и методов. Об этом писал известный французский социолог, антрополог и философ Пьер Бурдьё, указывая на то, что культурным исследованиям не хватает научного метода [22]. Таким образом, научное направление *cultural studies* в целом сохраняет приверженность автономии культурной системы в рамках общества, хотя сами исследователи в разных странах указывают на недостаточность такого подхода для построения целостного теоретического представления о современном обществе.

Как указывает известный российский теоретик философии и социологии культуры Э.А.Орлова, сегодня в социальной науке происходят серьезные теоретические и методологические изменения, которые носят фундаментальный характер и в то же время тесно связаны с ключевыми чертами изменяющейся социокультурной реальности [23]. Э.А.Орлова выделяет ряд таких черт, образующих сегодня проблемное поле: междисциплинарность, преодоление существующих дисциплинарных разделений, особое внимание к социокультурной динамике, переход от субъект-объектной трактовки социокультурной реальности к интерсубъективной, отказ от субстанциализма в трактовке общества. С учетом этого и в контексте изменений предметного поля не только в социологии, но и в антропологии существенным образом изменилось представление о динамике общества и культуры.

В любом случае, даже с позиции классических теорий взаимосвязь социальных структур и культурного их содержания очевидна, либо культуры как отражения социального мира (по К.Марксу), либо культуры как содержательного значения социальных структур (по М.Веберу), либо культуры как коллективной репрезентации принадлежности людей к определенному обществу, сообществу или группе, в том числе и организации (по Э.Дюркгейму).

С учетом обобщений Д.С.Александера [24], можно выделить несколько подходов в социологической трактовке культуры:

- культура как автономная система наряду с социальной и психологической системами (функционализм Т.Парсонса, структурный функционализм Р.Мертон и С.М.Липсета, ортодоксальный марксизм, культурный марксизм А.Грамши, семиотика Ф. де Соссюра, идеалистическая герменевтика В.Дильтея и др.);

- культура как детерминанта социальной стратификации (понимающая социология М. Вебера, веберизм М.Вальзера и Д.Питтса, социологизм Э.Дюркгейма, коммунитарность и лиминальность В.Тёрнера, феминизм К.Смит-Розенберг, дискурсивные практики М.Фуко, габитусы П.Бурдьё и др.);

- культура как содержание функциональных и структурных связей в рамках социальной системы (современные междисциплинарные исследования, например, интерпретативная антропология К.Гиртца, социологический подход В.Грисволд и др. на основе сближения социологии и социокультурной антропологии).

Современные направления исследований в области социологии культуры носят разнообразный характер. Значимая модель общества и общественных отношений уже упоминавшегося французского социолога П.Бурдьё уходит корнями в марксистскую классовую теорию [25]. П.Бурдьё характеризует общественные отношения в контексте того, что он называет полем, определяя его как конкурентоспособную систему социальных отношений, функционирующую в соответствии с собственной специфической логикой или правилами. Это поле есть место борьбы за власть между доминирующими и подчиненными классами. Она происходит в рамках поля, легитимность которого, как ключевой аспект определения доминирующего класса, либо присваивается, либо отбирается. Теория социальной практики П.Бурдьё не дает точного понимания того, как действие следует обычным статистическим паттернам без соответствия правилам, нормам и/или осознанному намерению. Чтобы объяснить это, П.Бурдьё вводит понятия габитуса и поля (социального). Габитусы объясняют множественные взаимопроникающие реалии индивидуальной субъективности и социетальной объективности помимо функции социального конструкта. Это понятие используется для преодоления субъективной и объективной дихотомии.

Современный канадский и американский социолог М. Ламон из Гарвардского университета проводит сравнительный анализ того, как принятые в обществе ценностные понятия влияют и

поддерживают различные социальные иерархии и неравенства [26]. Критикуя П.Бурдьё, она указывает на тот факт, что теории «культурного капитала» и «габитуса» игнорируют важность культурно-определённых знаков морального статуса представителей среднего класса и национальных репертуаров достижения их успеха для объяснения, например, поведенческих различий в классовом обществе США и Франции. С коллегами из разных американских университетов М. Ламон сформировала современное культурно-обоснованное направление научных исследований «meaning-making», выделив различные аспекты культуры как значимые объясняющие и объясняемые категории во всех социальных науках.

Социологический подход к культурным изменениям

Убеждение, что культура является символически закодированной и, таким образом, может передаваться от одного человека к другому, означает, что культуры, хотя и ограниченно, могут изменяться. Культуры одновременно и предрасположены к изменениям, и устойчивы к ним. Основными причинами сопротивления изменениям становятся привычки, религиозные убеждения, интеграция и взаимозависимость культурных признаков. С другой стороны, причинами появления культурных изменений являются: подвижная и изменчивая окружающая среда, человеческие изобретения и новшества, контакты с другими культурами и их взаимопроникновение. Согласно антропологической теории диффузии, из одной культуры в другую может передаваться форма чего-либо, но не смысл. Например, символ «анх», который возник в египетской культуре, был затем растворен в других многочисленных культурах, его первоначальный смысл, скорее всего, был утерян, и в настоящее время используется многими религиозными практиками как тайный символ власти или жизненных сил. Еще один вариант теории диффузии – диффузии стимула, связан с элементом одной культуры, который приводит к изобретению в другой. Контакт культур может также привести к аккультурации, которая, имея различные значения, в данном контексте относится к замене черт одной культуры признаками другой, как, например, случилось со многими культурами американских индейцев. Взаимосвязанные процессы на индивидуальном уровне являются ассимиляционными и транскulturационными, но и то, и другое относится к принятию различных культур на индивидуальном уровне.

Американский современный специалист в области социологии культуры В.Грисволд предлагает еще один социологический подход к культурным изменениям: несмотря на тот факт, что культура порождается индивидами – и для некоторых элементов культурных изменений это так – существуют и значительные, коллективные и устойчивые во времени культуры, которые не могут быть результатом воздействия индивидов, поскольку они существовали и будут существовать без их участия [27]. При этом культурные артефакты как результаты коллективного продуцирования являются фундаментально социальными в генезисе. В.Грисволд утверждает, что культура изменяется посредством контекстно зависимых и социально определенных действий индивидов. На макроуровне культура воздействует на индивида, который, в свою очередь, может влиять на

саму же культуру. Такая логика иллюстрирует то, как культура может меняться с течением времени, но сохраняется в чем-то постоянной. По сути, опираясь на учения Платона и Аристотеля, она говорит о культурной конструкции социальных проблем, считая культуру более глубокой, чем социальный мир, и реально представляющей человеческие универсалии. Конечно, важно признать, что В.Грисволд говорит о культурных изменениях, а не о возникновении культуры вообще, поскольку в социологии нет точного или ясного представления об этом. Культура, как и общество, существует с момента возникновения человечества (человеческие существа, одновременно, – и социальные, и культурные). Общество и культура сосуществуют во взаимопроникновении, поскольку люди вступают в социальные отношения, культурный смысл которых очевиден. Культура как феномен не имеет реального начала, за исключением того факта, что само по себе существование людей как вида имеет начало. Это, таким образом, ставит вопрос о происхождении культуры спорным – она существовала так долго, как существует человечество, и, вероятно, будет существовать так же долго. Культурные изменения, с другой стороны, становятся вопросом, который может быть поставлен под сомнение и исследован, как и делает В.Грисволд. Следует отметить, что, рассматривая организации в культурном контексте, она, в основном, делает акцент на мотивационных и солидаризационных факторах, не указывая на их значимость, в основном, для корпоративной культуры [28].

В.Грисволд с коллегами проводит также анализ феномена чтения в аспекте влияния грамотности на социально-экономическое развитие общества, рассматривая чтение как социальную практику в рамках досуговой активности. Рассматривая чтение как социальную практику, авторы определяют грамотность как культурные ресурсы литературной традиционной системы письма и совокупность способностей человека использовать эти ресурсы (что, очевидно, позволяет выделить разные виды грамотности в разных сферах жизни). При этом грамотность как набор социальных практик включается в более широкий контекст достижения социальных целей и функционирования культурных практик.

Современные исследования в сфере социологии культуры опираются на тот факт, что культурная деятельность в обществе институционализована; акцент на институциональных установках ведет к пониманию деятельности в сфере культуры как исторически сложившихся социетальных форм организации концепции, производства, распределения, распространения, интерпретации, приема, сохранения и поддержания специфических культурных результатов этой деятельности. Все это позволяет оперировать в исследованиях как статике, так и динамике совместного существования людей общими теоретическими понятиями. Следует, однако, подчеркнуть, что эти понятия до сих пор не выделены, что затрудняет возможность их использования для изучения, например, микродинамических процессов формирования социокультурных отношений на уровне такой социокультурной единицы как организация, которую теоретически можно выделить как искусственно созданную систему с высокой степенью организованности по сравнению с окружением, устойчивыми структурой и связями между функциональными единицами. Современные социологические организационные теории не позволяют объяснить вариации

стратегий управления, поскольку в их рамках не разделены представления о его структурных (системных) связях между членами организации и содержании этих связей. Кроме того, недостаточное внимание к распределению социокультурных паттернов препятствует изучению динамики поведения членов организации. Тем не менее, оба направления исследования особенно актуальны в проблемных ситуациях организационных изменений, вызываемых внешними и внутренними факторами. В этих условиях неизбежны кризисные состояния, обусловленные одновременной напряженностью экономических, социально-организационных и символических отношений между людьми и в рамках общества, и организации.

Направленность современных исследований

Ключевыми фигурами в социологии культуры сегодня считаются ученые разных стран мира. Кроме тех ученых, о которых шла речь ранее, следует упомянуть и других исследователей. Например, в США в Йельском университете в этой сфере работают, кроме Д.Александера, Д.П.Адамс (занимается социологией политики разных периодов развития общества); в университете штата Орегон – Р.Айермен, который совместно с Д.Александром изучает культурные травмы и коллективную идентичность; в Чикагском университете А. Глезер изучает процессы формирования идентичностей в этнографическом контексте, политической эпистемологией, а К.Кнорр-Гетина осуществляет междисциплинарные исследования, в том числе, в сфере культурных и социальных структур современных глобальных финансовых рынков. В Мичиганском университете М.Сомерс изучает культурные аспекты гражданства и гражданского права, в Пеннсильванском университете А.Лоро изучает влияние семьи на процессы социальной стратификации, а Д.Крэйн-Херве проводит сравнительные исследования культурных и социальных аспектов стиля жизни различных общественных классов; Л.Спиллман в университете Нотр-Дам изучает теорию и социологию культуры, социологию экономики, проблемы идентичности и коллективной памяти; в университете штата Беркли Э.Свидлер исследует культурные аспекты формирования жизни общества и его социальных институтов, а также социетальные детерминанты здоровья и благополучия человека. В Колумбийском университете Д.Воган изучает влияние социальных структур (институтов, организаций) и культуры как медиатора на индивидуальные решения и действия, а также проблемы организационных отклонений, ошибок и катастрофических событий. Ее исследования взаимодействия человека и техники в сфере контроля воздушного движения также опираются на социальные и культурные факторы. В Калифорнийском университете в Сан-Диего социологию культуры изучают Э.Биндер, М.Блэр-Лоу, Д.Эванс, К.Нг и М.Шадсон [29].

Во всех перечисленных американских исследованиях, относящихся к сфере социологии культуры, импонирует подход к культуре, точнее, к культурным правилам, как к схемам, содержательное наполнение которых носит ситуативный характер, действующим на разных уровнях, от тривиальных этических основ прямых социальных действий до глубинных ценностей бинарных систем бессознательного.

В современной Европе, которая, как упоминалось ранее, является «колыбелью» для социологии культуры, исследования в этой области также весьма различны по направленности. В Англии, например, исследования в области социологии культуры проводятся в Эссекском университете Д.Кэрроллом, который занимается семантикой информационных компьютерных процессов, а также Я.Сойсал, которая проводит сравнительные и лонгитюдные исследования концептов «хороший гражданин» и «хорошее общество» в Европе и Азии. В Центральном Европейском университете в Будапеште французский антрополог, лингвист и социолог Д.Спербер совместно с Д.Вилсон из университетского колледжа в Лондоне разработал когнитивный подход к коммуникации как культуре (Теория релевантности или соответствия), выделяя ограниченность возможностей компьютерных коммуникаций, несмотря на технологические инновации.

В европейских немецко-говорящих странах представителями социологии культуры являются: уже упомянутые ранее А.Вебер и Г. Иммель, а также А.фон Мартин (изучал социологию культуры эпохи Ренессанса), Р. Кёниг (занимался культурными аспектами отчуждения, маргинализации, эмиграции и реэмиграции), М.Х.Рассем (изучал истоки религии и этнической культуры, основал социологию культуры как университетскую учебную дисциплину), Ф. Енбрук (изучал культурные аспекты социальной экономики, критикуя научную марксистскую социологию и структурный функционализм), Д. Кампер (использовал антропологический подход к социологии), В.Липп (изучает цивилизационные аспекты культуры и религии, стигмы и харизмы), Д.Штагл (работает в сфере культурной антропологии и лингвистики), Й.Вайс (социальный философ и культурный социолог), Л.Клаузен (изучал различные аспекты социологии катастроф, был самым известным исследователем творчества Ф. Тённиса, основателя немецкой социологии), Р.Гиртлер (проводит полевые культурно-социологические исследования в сфере периферийных культур), К.Лихтблау (изучает историю и наследие культурной социологии М. Вебера, Г.Зиммеля и К.Манхейма), А.Хонер (изучает качественные методы социально-культурных эмпирических исследований), К.-С.Реберг (изучает культурные аспекты политических процессов), В.Эсбах (специалист в областях социологии культуры, социальной антропологии, искусства и религии, особо подчеркивает необходимость антропологического подхода к изучению социологии).

Следует отметить, что многие исследования в сфере социологии культуры носят, скорее, характер культурной социологии, чем социологии культуры, с выделением культурных аспектов социологических явлений. Это можно выделить в работах и Н.Элиаса (цивилизационные исследования), и уже упоминавшегося П.Бурдьё (разработал качественные и количественные методы эмпирических социологических исследований человеческого культурного капитала в сфере труда), и В.Флассера (изучал коммуникации, символические аспекты коммуникационных технологий, коммуникационные диалоги и дискурсы как отражение социальных общественных форм). Этому направлению исследований следуют и современные австрийские социологи Г.Фрэхлих и Г.Кузмикс (изучает теорию цивилизаций, социологию экономики, символический интеракционизм), и Г.Мозетик, и И.Мёртц (специалист в области социологии культуры, религии, искусства, образования), и Р.Рихтер, и А.Смудитц, и Г.Стаубманн, и М.Зиглер. Такое

разнообразии подходов к исследованиям в сфере социологии культуры на Западе позволяет, в первую очередь, сделать вывод о превалировании эмпирического направления как основы университетской науки на Западе.

Социология культуры в современной России также может быть представлена разнонаправленными исследованиями. С одной стороны, изучается скорее культурная сторона социального поведения: исследования по региональной идентичности (М.П.Крылов), сущности российской интеллигенции (М.Ш.Нахушев), специфике русской культуры (В.И.Шамшурин). С другой стороны, используется социокультурный подход к изучению общества: анализ социальных структур и их культурного содержания как «направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений» [30]; анализ культуры инновационного мышления [31]; анализ функций музеев как социокультурологических институтов (Н.Ф.Петрова) и др. В рамках теоретического подхода, общество изучается как социокультурное пространство интеракций [32]. Такая направленность исследований позволяет раскрыть общий контекст жизни общества, учитывая как социальные, так и культурные факторы.

Обобщая перечисленные теоретические направления в современной социологии культуры, можно указать на следующее:

1. Область изучения сформировалась как междисциплинарная для областей социальных наук и гуманитарного знания с особым акцентом на антропологических началах, объединив различные трактовки социальной и культурной реальности.
2. Сочетание теоретических подходов в социологии и культуре, точнее, культурной антропологии, позволяет определить взаимное влияние состояния социальных систем, структур и связей на культурные формы, их динамику.
3. Многообразие объектов изучения определяется необходимостью установить теоретические связи между социальным и культурным измерениями совместного существования людей на разных уровнях: макро- и микросоциологии и в разных сферах их деятельности. На макроуровне рассматриваются общественно-экономические формации, общества в целом, характерные для них идеологии, а культура трактуется как интегрирующее ценностное начало и существенный показатель их идентичности. На микроуровне изучаются социальное взаимодействие, его стратегические направления, к культурным измерениям которых принято относить диспозиции и разделяемые представления.
4. Трактовка понятия «культура» в дисциплинарной области имеет разный смысл. Во-первых, как имплицитную или латентную совокупность представлений, верований, предпочтений, оценок,

убеждений, идей и т.д. Во-вторых, как «явную» или «записанную» культуру, детерминирующую совместное существование людей в рамках социальных структур.

5. В рамках дисциплины происходит формирование модели социокультурного пространства, соответствующей позиции культурной обусловленности социальной структуры.

Эти особенности социологии культуры как научного направления в социологии позволяют наиболее полно осуществить анализ функционирования современной организации в социокультурном аспекте.

Понимая специфичность социального и культурного пространства по отношению к физическому, представим социальное пространство организации как совокупность индивидов и групп, объединенных устойчивыми социальными связями, с одной стороны, и систематизированные (устойчивые, повторяющиеся, организованные) пересечения связей между институциональными позициями, характеризующимися определенными полномочиями и средствами социального контроля (институциональное измерение, представленное в работах П.Бурдье, М.Фуко) – с другой. При этом следует учесть социальное и культурное расслоение, зафиксированное в устойчивых распределениях социальных и культурных позиций, совокупностей ролей, форм образов и стилей жизни, с одной стороны, и групповых идентичностях — с другой (стратификационное измерение, представленное в теориях социальной стратификации), а также сеть событий в определенный момент времени (распределение результатов социальных взаимодействий и коммуникаций, согласно пониманию П.Штомпки) [33].

Следовательно, с одной стороны, организация как социокультурное пространство представляет систематизированное пересечение функциональных и структурных связей, которые, по теории структуризации Э.Гидденса, конвенционально организованы и зафиксированы в таком статусе на уровнях стандартных действий и разделяемых символических репрезентаций, в соответствии с этим формируются отношения формального характера, соответствующие функциям и структурному распределению ролей. «Устойчивые совокупности паттернов совместной активности институционализируются (в широком смысле слова), т.е. нормируются и структурируются. Таким образом упорядочивается пространство совместной воспроизводящейся активности людей, направленной как на удовлетворение их индивидуальных запросов, так и на поддержание социальных целостностей разного масштаба» [34]. С другой стороны, межличностные социокультурные отношения регулируются, согласно А. Шютцу, привычками и неререфлексируемой интерсубъективностью; институционально предписанные функции выполняются согласно специально установленным нормам. В рамках организации паттерны интеракций (взаимодействия и коммуникаций), совместного целедостижения и способы их комбинирования осваиваются ее членами в процессах профессиональной социализации, что позволяет экономить усилия при решении общих рутинных и проблемных задач. С учетом стратификационной дифференциации, согласно Б. Малиновскому и А.Рэдклифф-Брауну,

результатом которой на уровне организации является не только закрепленное статусно неравномерное распределение власти и ресурсов, но и различные формы «way of life» (по Р.Уильямсу), т.е. «способа жизни», с которым в организацию приходит каждый ее член.

При изучении функционирования современной организации как институциональной общественной единицы в этом случае становится очевидной необходимость, во-первых, учитывать многомерность и неоднородность ее социокультурного пространства, во-вторых, несовпадение обезличенных и нормативно определенных функций и реального исполнения их акторами – членами организации в соответствии с различным характером социокультурных поведенческих стереотипов и моральных представлений, носителями и пользователями которых они являются.

Социокультурные отношения в современной организации

Несмотря на то, что на макроуровне общественного развития социальные отношения изучали и сегодня изучают многие ученые и исследователи, эти работы не способствуют решению проблемы определения теоретической модели динамики функциональных и структурных связей между членами организации на разных ее уровнях с точки зрения культурных значений вариаций взаимодействия и коммуникаций. На уровне организации не оценивается и характер взаимовлияния национальной, профессиональной и организационной субкультур, наследником, носителем и пользователем которых является каждый член организации. Для этого необходимо и целесообразно совместить социологический и культурно-антропологический способы исследования, что позволяет наиболее полно раскрыть сущность отношений в современной организации, особенно в проблемной ситуации. В пользу необходимости такого подхода к изучению отношений между членами современной организации говорит и тот факт, что понятия «организационная культура» и «корпоративная культура» отражают и социальные, и культурные факторы взаимодействия и коммуникаций формальной и неформальной направленности в рамках совместного целедостижения.

В культуре организации находят отражение отдельные компоненты национальной, профессиональной и организационной субкультур, привнесенные каждым из членов коллектива. Именно они на вербальном и невербальном уровне формируют, развивают и изменяют культуру организации. Если считать, что организационная культура – это совокупность культурных норм, ценностей и образцов, принятых как в формальной, так и неформальной деятельности ее членов, то корпоративная культура отражает формальную сторону взаимодействия и коммуникаций в процессе функционирования организации.

Рассматривая корпоративную культуру организации как поддерживающую формальные функциональные связи и соответствующую внутриорганизационным ценностям и нормам поведения (с точки зрения структурного функционализма Т.Парсонса), можно в соответствии с позицией Д.Александера выделить ее нарративный текстовый характер, способствующий более или менее однозначному «прочтению» смысла предписываемых действий. Тогда формальные

социокультурные отношения в организации как содержательная сторона функциональных и структурных связей должны способствовать регулированию реальной целенаправленной деятельности ее членов таким образом, чтобы учитывать возможные поведенческие вариации и отклонения. На этот факт, например, указывают Т.Дил и А.Кеннеди [35], предлагая роль *symbolic manager* как наиболее соответствующую развитой сетевой структуре организационных отношений и, по сути, подтверждая необходимость и важность семантического анализа значений (кодов) и смысла интеракций человека с окружением.

В рамках организации людям приходится соотносить ее культурные основания с элементами субкультуры, к которой они принадлежат (так называемый культурный *tool-kit* в форме символов, историй, ритуалов, взглядов). При этом действия, значимые в привычной культурной среде, могут менять или терять значение, поскольку изменившийся контекст взаимодействия в рамках организации делает их ненужными или меняет их порядок. С одной стороны, на специализированном уровне культуры должна быть освоена ограниченная, но отрефлексирующая совокупность специфичных знаний, процедур и технологий. С другой – кроме функциональных связей в организации существуют неформальные межличностные отношения различной степени интенсивности, которые встраиваются в структуры производственных отношений и либо способствуют, либо препятствуют их развитию. Поскольку практика показывает возрастающее значение неформальных межличностных отношений для эффективной деятельности организации в условиях нестабильности окружения, то следует изучить вариативность признаков и поведенческих характеристик ее членов в зависимости от динамики их статусного и ролевого положения, а также выделить общие характеристики и ключевые фигуры, определяющие основные ценностные ориентиры и формы организационных взаимодействий и отношений, с целью определения возможности целенаправленного регулирования социокультурных отношений в условиях проблемных ситуаций за счет внутренних ресурсов. Для этого необходимо использовать микродинамический и ситуативный подходы к социокультурному анализу функционирования современной организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Park R., Burgess E. W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago: Chicago UP, 1921.

[2] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1983; *Дюркгейм Э.* Социология, ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995; *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990.

[3] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Акад. проект, 2002.

- [4] *Riesman D., Glazer N., Denney R.* The Lonely Crowd : A Study of the Changing American Character. N. Y. : Doubleday, 1953.
- [5] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y. : Basic, 1996.
- [6] *Miller T.* Cultural Citizenship: Cosmopolitanism, Consumerism and Television in a Neoliberal Age. Philadelphia : Temple University, 2007.
- [7] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., 1994; *Barthes R.* Image, Music, Text. N. Y. : Hill & Wang, 1977; *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Акад. проект, 2007.
- [8] *Mills C. W.* Power, Politics and People. N. Y. : Oxford UP, 1963.
- [9] *Park R., Burgess E. W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago : Chicago UP, 1921.
- [10] *Cooley C. H.* Sociological Theory and Social Research. N. Y. : Henry Holt, 1930.
- [11] *Schutz A.* The Phenomenology of the Social World. Evanston : Northwestern UP, 1967; *Мид Д. Г.* Избранное : сб. переводов. М., 2009; *Манхейм К.* Избранное : социология культуры. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000.
- [12] *Malinowski B. K.* A scientific theory of culture and other essays. – Chapel Hill, NC, USA: University of North Carolina Press, 1944; *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. Пер. с англ. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001; *Mauss M.* The gift; forms and functions of exchange in archaic societies. – London, UK: Cohen & West. 1970.
- [13] *Александр Д. С.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры. Пер. с англ. // Социологическое обозрение, 2007, Т. 6. – № 1. – С. 21.
- [14] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. Пер. с фр. – М., ЭКСМО-Пресс, 2001.
- [15] *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии : пер. с англ. // THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем : альманах. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 61.
- [16] *Гиртц К.* Интерпретация культур : пер. с англ. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- [17] *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М., 2004. С. 304.

- [18] *Williams R. H.* Culture and Society: 1780–1950. N. Y. : Columbia UP, 1983.
- [19] *Gilroy P.* The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. L. : Verso, 1993.
- [20] *Coppa F.* A Brief History of Media Fandom // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays. McFarland, 2006 и др.
- [21] Doing Cultural Studies : The Case of the Sony Walkman / *P. du Gay, S. Hall, L. Janes, H. Mackay, K. Negus.* L. : SAGE Publications, 1997.
- [22] *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007.
- [23] *Орлова Э. А.* Социология культуры. М. : Акад. проект, 2011. С. 14.
- [24] См., например: *Александр Д. С.* Указ. соч.
- [25] *Бурдые П.* Указ. соч.
- [26] *Lamont M.* Money, Morals and Manners : The Culture of the French and the American Upper-Middle Class. Chicago: University of Chicago Press, 1994; *Lamont M., Molnar V.* The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 167-195.
- [27] *Griswold W.* Cultures and societies in a changing world. 3-d ed. Thousand Oaks : Pine Forge Press, 2008.
- [28] Ibid. P. 141-146.
- [29] Cultural sociology and its diversity / eds: *A. Binder, M. Blair-Loy, J. H. Evans, M. Schudson.* Thousand Oaks : SAGE, 2008. (Annals of the Academy of Political and Social Science. 619).
- [30] *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3. изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 16.
- [31] *Кравченко С. А.* Динамика социологического воображения. Всемирная культура инновационного мышления. М. : Анкил, 2010.
- [32] *Орлова Э. А.* Указ. соч.
- [33] Там же. С. 97.
- [34] Там же. С. 98.

[35] Deal T. E., Kennedy A. A. Corporate Cultures: the Rites and Rituals of Corporate Life. N. Y. : Addison-Wesley Publishing Co., 1982.

© Урмина И. А., 2012.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2012 г.

Урмина Ирина Александровна,

кандидат культурологии,

старший научный сотрудник Сектора социокультурных процессов и систем,

Российский институт культурологии (Москва),

e-mail: esurgeon@hnt.ru

UDC 008:001.8+316.35

Urmina I.

SOCIAL AND CULTURAL APPROACHES IN ANALYSING CONTEMPORARY ORGANISATION

Abstract. The author argues that existing organisational theories do not give a clear idea about the structural relations between members of organisation in various sociocultural situations related to its activity, for example in the situation of transformation, or about the dynamics of their behaviour that depends on the situational character of general and specific problems. It is supposed that the interdisciplinary approach joining sociological and cultural anthropological methods can be used to consider forms, structures, and the contents of corporate life within the organization.

Key words: socio-cultural situation, organisation, cultural sociology, corporate culture

Urmina Irina Alexandrovna,

Ph. D in Culturology,

Senior Researcher of the Sector for Sociocultural Processes and Systems,

Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: esurgeon@hnt.ru